

вшего площадку. Все исследователи считают, что часть этого чернозема является переработанной, гумированной глиной необожженной обмазки стен. Надо думать, что в достаточном количестве профилей можно найти этому подтверждение.

Мы остановились на этом вопросе, связанном с реконструкцией стен трипольских домов, потому, что он имеет очень большое значение в опровержении прежних взглядов на площадки как на ритуальные или погребальные сооружения. Хотелось, чтобы наши авторы были еще лучше вооружены при обосновании своих выводов.

Химико-технологические данные, опубликованные О. А. Кульской по глиняной трипольской посуде и обмазке домов Коломийщины, помогают установить местное происхождение глины, применявшейся трипольцами.

Изучение строительных материалов Триполья, предпринятое О. А. Кульской и Н. Д. Дубицкой, установило, что при строительстве трипольских домов, особенно основания пола и стен, применялась предварительно обработанная и обожженная глина различного состава, что свидетельствует об известной дифференцированности навыков древних архитекторов.

Опубликованные в сборнике материалы имеют большое значение. Богатство иллюстраций делает выводы авторов убедительными. Эти выводы заставляют совершенно иначе смотреть на трипольские поселения и культуру древнеземледельческого населения Украины.

Проф. С. В. Киселев

**«МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР»,
выпуск VI — Этногенез восточных славян, т. I. Под ред. М. И. Артамонова, М.-Л., 1941.**

Сборник статей, написанный ленинградским коллективом археологов, посвящен происхождению восточных славян и представляет значительное явление в нашей исторической литературе. Статьи сборника очень неравноценны: одни являются мелкими публикациями, важными лишь как материал для дальнейших работ, другие же — законченными историческими исследованиями с широкими обобщениями. К числу последних относится открывающая сборник статья П. Н. Третьякова «Северные восточно-славянские племена».

Основные положения данной работы были опубликованы автором ранее в «Кратких сообщениях Института истории материальной культуры».

Статья начинается с обзора древностей южных племен, с полей погребения, затем устанавливается наличие северного варианта этой культуры в Полесье и на Смоленщине, отмечается генетическая связь полей погребения со скифами. Шаг за шагом автор проходит всю территорию Северо-восточной Европы, отмечая особенности каждого отдельного общества, изучая керамику, украшения, погребальный обряд. В результате получилась интереснейшая карта локальных культур в первые века нашей эры. Сведение воедино благодаря этой карте отдельных местных отличий позволило представить процесс формирования отдельных племенных союзов.

Особенно важно разложение суммарного понятия «Дьяковская культура» на ряд отдельных областных культур. К середине I тысячелетия н. э. эти локальные различия стираются, и на дьяковской территории появляются две большие группы — верхнеднепровская и верхневолжская — с глубокими различиями в погребальном обряде. Эти две группы дали две разные линии этногонического развития — славянскую и чудскую. Различие прослеживается и в инвентаре и в керамике.

Анализируя область славянского этногенеза, П. Н. Третьяков попутно высказывает ряд интересных соображений, которые в дальнейшем могут быть развиты в специальные работы. Таковы этюды о черной лощеной керамике и ее появлении на севере; таковы гипотезы об отмирании городищ или о происхождении курганов.

Центральным местом исследования П. Н. Третьякова является выделение по археологическому материалу племенных территорий, соответствующих летописным кри-вичам, словенам, вятичам, северянам и др.

Заслуга автора состоит в том, что он по следам А. А. Спицына занялся поисками более ранних источников, чем привлекавшиеся обычно курганные древности X—XIII веков. Начатая А. А. Спицыным работа по картографированию сопок, длинных курганов, ранних курганов с сожжением в ящиках и др. продолжена П. Н. Третьяковым.

Очень интересны соображения автора о принадлежности раменской культуры северянам, о древних вятических курганах с трупосожжениями, группирующихся только в той части течения Оки, где летопись упоминает вятические города. Напомню, что археологическая территория вятичей, по А. В. Арциховскому, значительно шире.

Весьма любопытны наблюдения автора над колонизационным движением северных племен из области Ильмена сначала на Мологу, Шексну и Белоозеро, а оттуда к Ярославлю и на юг, к Ростову и Суздалью. Большое значение имеет установление связи славян с чудскими племенами Северо-востока.

Вообще вся статья П. Н. Третьякова представляет прекрасный образец синтетического исторического исследования, в котором автор привлекает огромное количество новых, свежих источников. Он одинаково силен и в скрупулезном анализе отдельных вещей и в широком, смелом обобщении фактов. Именно эта сторона, это умение связать в систему бесчисленное множество отдельных археологических явлений, эта широта постановки вопроса в сочетании со строгой документированностью каждого положения и привлекает в работе П. Н. Третьякова. Его «Северные восточно-славянские племена» значительно опередили все работы Спицына на эту тему. Наша историческая наука обогатилась очень серьезным, ярким и свежим трудом, который во многих областях определяет направление будущих исследований в ближайшие годы.

Как каждая большая работа, статья П. Н. Третьякова не свободна от спорных положений, но те замечания, которые будут приведены ниже, никак не могут повлиять на общую оценку этой важной итоговой работы одного из крупнейших советских археологов.

Прежде всего вызывает возражение упорно повторяемое автором положение, что курганные инвентари негодны для выяснения племенных границ. «Выяснилось, — пишет автор, — что памятники XI—XIV веков материалом для изучения племен «Повести временных лет» служить не могут» (стр. 37). Это еще далеко не «выяснилось». Дискуссия на эту тему на страницах «Советской археологии» между П. Н. Третьяковым и А. В. Арциховским вовсе не решила вопроса в пользу первого.

Височные кольца, которые П. Н. Третьяков считает продукцией крупных феодальных центров, на самом деле производились мелкими деревенскими мастерами, район сбыта которых был микроскопически мал — 10—15 километров (см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Автореферат, «Известия ОИФ», 1944, № 1). Единство типа украшений объясняется не единством производства в какой-то гипотетической мастерской, а устойчивостью племенных связей.

Семилопастные и семилучевые височные кольца типичны для территории вятичей и радимичей, хотя для XI—XII веков мы и не вправе употреблять эти названия в их первичном смысле. Племенные союзы как организации исчезли, а этнографическое единство данной группы племен сохранилось и в XII веке и значительно позднее. В некоторых случаях древние границы племенных союзов сохраняются вплоть до наших дней и прослеживаются по деталям костюма, по диалектам, по особенностям обрядов и по другим этнографическим признакам. Устойчивость этих границ объясняется тем, что естественными рубежами летописных вятичей, кривичей, древлян, дреговичей были лесные массивы, болота, необитаемые пустыри, устанавливавшие пределы консолидации племен. Пренебрегать отличиями в костюме и бытовой обстановке по разные стороны этих рубежей мы не имеем права даже для XX века, не говоря уже об эпохе XI—XIV веков, вплотную примыкавшей к той поре, когда вятичи и кривичи были еще живым органическим целым. Спицынскую карту археологических типов надо

наложить на детальную карту ландшафтных зон, тогда картина станет отчетливой.

Так, браслетообразные височные кольца считаются характерным признаком кривичей. И действительно, они встречаются в Псковской земле, в Полоцкой, Смоленской и Суздальской. Словенам новгородским обычно приписывают ромбоштитковые височные кольца. П. Н. Третьяков возражает против этого на том основании, что они более поздние, т. е. того времени, когда, по его мнению, уже невозможно уловить следы былых границ.

Но нанесем на карту ромбоштитковые кольца. Они займут Псковскую землю и пограничье с Водской Пятиной, Смоленскую и Суздальскую. Одним словом, везде, на всем протяжении своего бытования, ромбоштитковые кольца налегают на браслетообразные. Их ареалы совпадают.

Мало того, наложив эти две карты на чернягинскую карту длинных курганов, мы увидим поразительное совпадение: браслетообразные кольца X—XII веков и ромбоштитковые XII—XIII веков полностью графически совпадают с кривическими длинными курганами. Как показали исследования антрополога Н. Н. Чебоксарова, в эти границы вписывается определенный антропологический тип (светлопигментированные брахикефалы). Можно ли пренебрегать этими совпадениями?

Точно так же, когда речь идет о северянах, П. Н. Третьяков опять отбрасывает материал XI—XII веков, поэтому оказывается бессилем очертить границу северян. Четкое картографирование типов вещей и типов погребений, сопоставление с современными этнографическими, диалектальными и антропологическими картами может дать в будущем не только уточненные границы племен «Повести», но и границы тех мелких племен, из которых исторически сложились кривичи, вятичи, северяне.

П. Н. Третьяков был пионером в деле изучения первичной истории русских племен; он доказал, что есть археологические материалы более ранние, чем те, которыми оперировали до сих пор, но он неправ, когда начисто отвергает материалы XI—XIV веков. Не материал этой эпохи плох, а плоха разработка этого материала. Но как только мы начинаем строго и скрупулезно изучать «поздние» материалы, мы тотчас же ощущаем их полноценность.

Говоря о «северном» типе больших курганов с сожжениями близ Чернигова, автор упустил из виду большое количество южных степных элементов в костюме и бытовом инвентаре таких курганов, как «Черная могила» и «Гульбище».

Анализ сведений «Повести временных лет» о племенах неполон. Надо было сопоставить их с западно-славянскими данными о племенах и союзах племен, над было подвергнуть анализу данные и Константина Багрянородного и особенно баварского географа IX века. Желательно также нанесение на карту всех летописных географических данных о племенах. Особенно интересны сведения середины XII века о вятичах и о замечательном походе Изяслава Мстиславича в 1128 г. на кривические города. В последнем случае летопись дает нам много юго-западных кривических городов — Изяславль, Борисов, Логайск, Друтеск, которые и по археологическим данным отделяют кривичей от дреговичей.

Проводя специальную разведку по Оке и Угре, раскапывая городище близ Угры, П. Н. Третьяков упорно называет его Спас на Угре, тогда как это городище — летописный Воротыньск, что крепко держится в памяти местного населения и даже подтверждено существованием поблизости села железнодорожной станции Воротыньск.

Изучая северные русские племена, автор почему-то исключил из своего обзора полочан и дреговичей, тогда как по всем признакам их надо рассматривать в этой связи. Особенно это относится к полочанам.

Возможно, что многие недоразумения разъясняются в другой работе автора — «Архангельские памятники древнерусских племен», но она не была мне доступна.

*

Работа Я. В. Станкевич «К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X веках» посвящена очень важному вопросу об этнической

принадлежности ярославских курганов. Варяжская теория в лице ее различных представителей (Тихомиров, Арно Нерман, П. П. Смирнов) сильно запутала решение этого вопроса. Тенденциозное использование археологического материала нередко приводило к грубым искажениям истории. Отдельные скандинавские вещи, случайные аналогии, некритически воспринятый летописный текст — из таких элементов слагался фундамент варяжской теории.

Давно уже назрела необходимость суммировать и оценить весь археологический материал, относящийся к варягам. Я. В. Станкевич очень солидно подошла к решению этого вопроса. Обращая большое внимание на датировки предметов и типов погребений, изучая данные старых раскопок и производя новые, самостоятельные контрольные раскопки, она сумела нарисовать правдивую и научно обоснованную картину дружинного быта в Поволжье. Эта картина далека от полноты, но автор и не ставил себе слишком широких задач, ограничивая себя в этой статье исследованием материала двух могильников — Михайло вского и Тимиревского.

Автору удалось установить, что славянское население Ярославля близко к Белоозерью и Новгороду, откуда, по всей вероятности, и шла колонизация на Верхнее Поволжье.

Курганы с трупосожжениями близки к сопкам новгородских словен. В IX—X веках наблюдается разделение погребений на бедные и богатые.

Установлено, что восточные связи Поволжья завязываются раньше, чем западные. Привоз восточных вещей предшествует появлению здесь скандинавских изделий. Это говорит о том, что варяги появились на Волге, привлеченные богатой торговлей, которую вело местное славянское население с Востоком.

Интересно прослежены брачные связи у мужчин-славян; жены часто были из мерянских племен. В XI веке мерянский элемент исчезает.

Я. В. Станкевич надо пожелать дальнейшей успешной работы над аналогичным материалом, которая впоследствии может вылиться в обобщающую тему «Археологические данные для решения варяжского вопроса».

*

П. А. Сухов опубликовал данные об одном из городищ IX—X веков на южном берегу Белого озера. Район Белоозера богат исключительно интересными памятниками. Где-то на северном берегу, возможно, находился древний племенной центр Весу, на южном берегу — два городища, связанных со славянским населением. Каждое уточнение наших сведений об этом интереснейшем округе важно для понимания ранней истории славян в Белоозерье.

*

Большой интерес представляет опубликованная в сборнике работа Н. Н. Чернягина «Длинные курганы и сопки». Русская археологическая наука не избалована систематическими сводками древностей. А. А. Спицын, методически собиравший материалы по всем эпохам, старался по мере сил публиковать сводные работы с картами; ему принадлежит и первая публикация географического распределения сопок и длинных курганов. Но эта первая карта чрезвычайно далека от той, которая составлена Н. Н. Чернягиным. Вместо отдельных разрозненных групп здесь даны сотни пунктов, и карта носит почти исчерпывающий характер.

Работа Н. Н. Чернягина обобщает наши знания в области чрезвычайно интересных и важных археологических памятников. Длинные курганы и сопки — это редчайший случай в славянской археологии, когда один только внешний вид погребального сооружения позволяет делать ряд существенных выводов. Для большинства областей характер и племенная принадлежность погребения определяются только раскопками кургана. Здесь же без раскопок достаточно одного обмера кургана, чтобы отнести его к той или иной группе. Длинные курганы — это коллективные родовые погребения. Каждое новое погребение совершалось рядом с предшествующим, и поэтому курганы разрастались в длину. Хоронили в этих курганах сожженные кости и остатки одежды.

Сопки были такими же родовыми усыпальницами, но разрастались они не в длину, а в высоту. Таким образом, внешний вид кургана сразу определял способ погребения. Нанесение на карту этих двух видов курганов привело к исключительно важным историческим выводам.

Длинные курганы встречены в Псковской земле, в Полоцкой, вокруг Смоленска и отчасти на Верхней Волге. Это — историческая область кривичей; она включает и полочан. Тем самым решается давний спор об их отношении к кривичам. Продвижение кривичей на Волгу и колонизация мерянских земель отмечены отдельными находками длинных курганов.

Сопки встречены вокруг озера Ильмень, на Ловати, Шелони, Луге, Мсте. По Волхову они доходят до Ладоги. На востоке сопки переходят Мсту и Тверцу и распространяются до Мологи.

Все эти области — это пятины Новгородской земли. Сопки — курганы словен. В очень малой степени перемешаны словены и кривичи; в основном оба ареала не совпадают. В области кривичей словенские сопки встречаются только под Псковом; есть они и на волоке между Двиной и Днепром; с другой стороны, кривические курганы заходят пятнами на восток (на Ловати, близ верховьев Волги и кое-где еще).

Замечательная карта двух славянских племен VI—IX веков — словен и кривичей — обрисована Н. Н. Чернягиным при помощи изучения погребального обряда.

Далее предстоит работа по изучению хронологии курганных инвентарей, выявлению связей с Югом, выяснению направления перемещений. Надо попытаться уловить разницу между словенами и кривичами не только в способе погребений, но и в инвентаре.

Карта Н. Н. Черягина, несомненно, принесет большую пользу при изучении кривичей и словен.

*

Статья Н. Н. Воронина «Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке» чрезвычайно интересна по обилию и разнообразию привлеченного материала. У автора мы видим очень осторожное, критическое отношение к источникам. В центре его внимания стоит позднее сказание о культе «лютого зверя» — медведя в селении «Медвежий угол» на устье Которосии, где позднее возник город Ярославль. Медведь отождествляется с Волосом (Велесом), которого автор считает племенным богом словен новгородских. В сказании говорится о приезде Ярослава Владимировича на Волгу, о защите им от местных жителей купеческого каравана и о травле его медведем. Ярослав убил медведя, построил на этом месте церковь Ильи и заложил город Ярославль.

Автор сопоставляет основную канву сказания с историческими событиями 1024 (поход Ярослава Владимировича против волхвов) и 1088 гг. (поход его внука Ярослава Святославича на Волгу) и привлекает обильный фольклорный и археологический материал.

Приводя описания медвежьего праздника, Н. Н. Воронин пользуется очень широкой этнографической литературой; здесь мы встречаем и гиляков, и айнов, и шведов. Автор уловил многие общие черты культа медведя у разных народов, но он совершенно не затронул медвежий праздник у восточных славян, так называемую «комоедицу». Между тем белорусские «комоедицы» являются очень интересным вариантом медвежьих празднеств со многими архаическими чертами. Медвежий праздник у белорусов проводился в канун благовещенья (24 марта), когда кончалась зимняя спячка медведей. Устраивался специальный обед из любимых кушаний зверя: сушеный репник, овсяный кисель, гороховые «комы» (отсюда и название «комоедицы»). Мужчины надевали кожух шкурой вверх и начинали медленные танцы, состоящие из движений, подражающих движениям пробуждающегося медведя. Пир в честь хозяина леса и медвежьи танцы должны были облегчить ему весеннее пробуждение. Любопытно отметить крайне архаичный состав кушаний: репа, овес, горох.

Н. Н. Ворониным привлечен важный археологический материал — глиняные лапы и кольца, находимые в северных курганах. Кроме предложенного автором объяснения (стр. 166), что кольца — это гривны, можно допустить еще одно толкование:

глиняные кольца — это «баранки» (они и по размерам одинаковы с обычными баранками из теста), т. е. символическая замена барана. Кольца из теста или глины — это бараньи рога, поэтому на них и перешло название «баранка».

Некоторую натяжку допускает Н. Н. Воронин в толковании слов «мечта» и «мятеж» (стр. 182). Слово «мечта» (часто с эпитетом «бесовская») означает вздор, исступление, нечто вроде камлания; слово же «мятеж» далеко не всегда означало социальное движение, а чаще всего — толкотню и связано с корнем «мять» — жать, толкать.

Автор преувеличивает значение восстаний в XI веке. «Волхвы поднимали восстания таких масштабов, которые потрясали всю империю Рюриковичей и ускоряли ее распад» (стр. 184). Волхвы тянули назад к родовому строю, а «золотой век родового строя являлся разительной антитезой раздираемого антагонизмом общества XI века» (стр. 186). Когда для доказательства таких широких выводов приводится слово «мятеж», неправильно понятое автором, то у читателя невольно создается впечатление диспропорции между фактической основой и социологическими выводами. За исключением такого рода увлечений социологическими обобщениями, работа Н. Н. Воронина приятно радует читателя солидностью исследования.

*

Работа И. И. Ляпушкина «Славяно-русские поселения IX—XII веков на Дону и Тамани по археологическим данным» посвящена очень интересной проблеме славянского населения на юго-востоке Европы. Автор привлекает разнородные источники — археологию, показания арабских географов и данные русской летописи. К сожалению, изучение всех этих источников ведется с предвзятой мыслью. И. И. Ляпушкин стремится во что бы то ни стало доказать, что славянский элемент на Дону и Кубани появляется только после походов Святослава, во второй половине X века.

Понимая славянский элемент только как комплекс вещей, аналогичных киевским или черниговским вещам великокняжеской поры, автор слишком упрощает проблему. Изучение длительного и сложного этногенетического процесса у варварского населения Восточной Европы сведено к очень несложному вопросу: однородны ли древности Приазовья V—VIII веков с древностями Приднепровья и Поволжья или нет?

Необходимо ставить вопрос так: могли местные варварские племена земледельцев Кубани и Дона принимать участие в формировании ядра славянской культуры или нет? вливалось кочевое население степей в какой-то мере в общий котел славянского этногенеза или нет?

Следы антов на Боспоре в IV веке, прослеженные А. Л. Погодиным, наличие термина «ант» (в смысле «богатырь») в фольклоре северокавказских народов, связь антов с Приазовьем (Меотидой) в описании Прокопия Кесарийского; загадочная на первый взгляд и понятная лишь в свете древних связей Днепра, Боспора и Кавказа тождественность легенд об основании Киева и Куара; древние абхазо-русские связи, прослеженные Н. Я. Марром, и, наконец, многочисленные археологические аналогии, связывающие Приднепровье с Приазовьем и Кубанью, — вот перечень тех материалов, которые подлежат обязательному пересмотру при решении основной научной проблемы о времени и формах «появления» славян на Дону и в Тмутаракани. Думаю, что здесь будет правильнее говорить о распространении сферы первоначального этногенеза славян-антов на Приазовье и Подонье, чем о «переселениях» и «внедрениях» их в позднейшее время.

Большой заслугой М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина является выяснение истории Саркела и Саркельского некрополя, но сводить весь вопрос о славянах на юго-востоке Европы только к переселению определенных групп городского населения едва ли следует.

Работа И. И. Ляпушкина должна быть продолжена так, чтобы охватить еще одно тысячелетие; только тогда историческая перспектива может быть восстановлена правильно.

Исследование М. А. Тихановой «Культура западных областей Украины в первые века» посвящено очень важной проблеме изучения славян в римское время. Поля погребений в западнорусских областях, изученные по преимуществу польскими археологами, очень важны для проблемы этногенеза славян.

Глубокая эрудиция автора позволила провести ряд интересных сопоставлений западных материалов с приднепровскими. Чрезвычайно любопытны сопоставления гончарных горнов Польши и Волыни. М. А. Тиханова доказала, что на Украине в первые века н. э. существовали горны для обжига посуды. Интересны ее экскурсы в область керамического орнамента. В отличие от И. И. Ляпушкина она правильно оценивает значение линейно-волнистого орнамента в определении славянских элементов в керамике. Работа М. А. Тихановой содержит ценные сведения и по нумизматике и по эпиграфике.

Наряду с анализом Липицкой и Пшеварской культур в статье рассмотрен также и исторический материал о дакийских, венгерских и бастарнских племенах. Можно пожалеть, что к статье не приложена карта распределения Липицкой культуры и прилегающих областей.

Обзор культуры западных областей Украины проведен автором на очень широком сравнительном материале. Статья представляет большой интерес как для археологов, так и для историков.

*

Обширная библиография работ, посвященных знаменитому збручскому изваянию, пополнилась статьей Ф. Д. Гуревич «Збручский идол». В ней дан очерк истории исследования этого памятника от Срезневского и Леневиля до Янины Соколовской и А. А. Захарова.

При наличии двух последних сводок, дающих и дополнительный материал о новых находках в этих же местах и подробную библиографию, характер статьи Ф. Д. Гуревич становится несколько неясным. Как сводка материала она не полна — пропущена, например, сводная работа Н. Е. Макаренко с подробной библиографией. Если же это — исследование, то автору следовало высказать свою точку зрения на ряд вопросов, связанных с языческой пластикой у славян, подвергнуть разбору теорию Захарова, а не просто излагать ее.

Непонятны и публикации штриховых рисунков четырех граней идола, так как на них очень многие детали, хорошо известные по старым публикациям, совершенно не показаны. Отсюда проистекает ряд ошибок автора в расшифровке сюжетов.

Мне представляется возможным, исходя из данных, заключавшихся в самих изображениях, ответить на ряд спорных вопросов: 1) происхождение збручского идола; 2) датировка его; 3) установление главной, лицевой грани.

Первый из этих вопросов явился предметом статьи А. А. Захарова, *The Statue of Zbruch, «Eurasia septentrionalis antiqua»*. На основании форм оружия и головных уборов Захаров приходит к выводу, что збручский идол не славянский, а тюркский. В анализе оружия он опирался на тенденциозную работу В. В. Арендта в «*Mannus*». Арендт, изучая русское оружие, отбирает из исследуемого материала то, что отвечает его воззрениям на несамостоятельность русского оружейного дела, и оставляет без внимания ряд местных форм мечей и палашей. В качестве примера укажу на великолепный палаш из Киева. Палаш украшен вкладной бронзовой полосой, рукоять его изогнута по отношению к клинку. Дата его — X век. Если мы приглядимся к киевскому палашу и к «сабле», подвешенной к поясу мужского божества збручского изваяния, то обнаружим чрезвычайно большое сходство между ними. Изогнутость збручской сабли — результат действия, скривившего линию резца скульптора, а не изображение искривленного оружия. Наконечник ножен округлый, что всегда сопутствует прямому, а не изогнутому клинку. Рукоять збручского палаша, как можно разглядеть на фотографии Краковского музея, украшена звериной головой. На киевском палаше эта деталь не сохранилась. Среди коллекций Киевского исторического музея есть клад,

найденный в 1912 г. в Переяславле, в составе которого имеется навершие какой-то рукояти в виде звериной морды; по размерам и по углу загиба она вполне соответствует рукояти оружия и позволяет реально представить общий облик однолезвийного меча-палаша. Дата этого клада: X—XI века. Таким образом, бытование на Руси в X веке мечей-палашей подтверждается археологическими находками¹.

Одно из збручских божеств имеет в руке рог. У тюркских скульптур мы никогда не находим такого атрибута, тогда как у всех славянских богов рог является обязательной принадлежностью. Вглядимся в изображение рога на збручском идоле. Устье его отделено от тулова чертой, отмечающей оковку. Окованные серебром туры рога известны в Чернигове, Гнездове, Приладовье, Шестовицах, в курганах X века. В середине тулова рога виден вырезанный резцом ромб. Точно такие ромбические накладки имеют знаменитые туры рога из Черной могилы (вторая половина X века). Узкий конец збручского рога имеет небольшое расширение; рог, найденный Ригельманом в 1852 г. в кургане «Княжны Черны», имеет на конце серебряную головку орла. Таким образом, збручский рог имеет оковку устья, ромбические накладки и оковку рожка, т. е. все детали, позволяющие отождествлять его с русскими древностями X века.

Давно уже отмечалось (на это указывает и Ф. Д. Гуревич), что тюркские каменные бабы никогда не изображались многоликими, между тем как для славянских богов многоглавство обычна.

Шапка збручского идола — обычная русская княжеская шапка, хорошо известная по разным изображениям с XI века. Отдаленная восточная аналогия, привлеченная А. А. Захаровым, совершенно неубедительна. Все это свидетельствует о том, что збручский идол, найденный в славянской земле, снабженный типичными славянскими вещами, мог быть изваян только славянским скульптором для славянского языческого храма. Датировка его уже предрешена помещением выше перечнем аналогий в русских древностях X века. Эпоха Игоря и Святослава, когда дружинники клялись оружием у своих идолов, когда бог грозы превратился в бога войны и покровителя дружин, — эта эпоха и должна считаться наиболее вероятным временем постановки величественного идола, увенчанного княжеской шапкой и снабженного мечом.

Последний вопрос относится к содержанию изображения. Можно вполне согласиться с давно установившимися взглядами, что перед нами на каменных гранях изваяния изображена вся славянская космогония: небо, населенное богами, земля с ее людьми и пекло с пекельными духами.

Неясно, почему Ф. Д. Гуревич считает средний пояс состоящим из четырех изображений женщин. Явно выраженный женский облик имеется только у двух фигур, и эти фигуры строго соответствуют женским же фигурам верхнего (божественного) пояса. Автор напрасно разрывает тесную связь между верхним и нижним ярусом. Мужскому божеству на небе соответствует на земле мужчина, женскому божеству — женщина (в одном случае — с ребенком).

Кто же из четырех богов был главным? И можно ли вообще говорить о выделении одного божества?

Мне думается, что мы можем получить определенный ответ. Если бы все четыре божества были равны и все грани равноценны, то это равенство четырех граней можно было бы проследить на всех трех горизонтальных членениях. Между тем нижний ярус определенно ориентирует нас. Одна грань совершенно пуста, противоположная изображает «пекельника» — атланта, поддерживающего землю. Пустая грань, очевидно, была прислонена к какой-то опоре; над ней находится самое бедное изображение бога, без всяких атрибутов. Таким образом определяются задняя сторона изваяния (с пустой гранью в нижнем поясе) и его передняя, основная сторона, противоположащая пустой грани.

¹ Между прочим, форма рукояти палаша, приспособленная для конной рубки, уже в X веке повлияла на изменение русскими оружейниками тесной и неудобной для конного боя рукоятки каролингского меча, где рука сдавлена между навершием и огнивом. Русскую переделку общеевропейской формы мы видим в мече из Черной могилы.

На лицевой стороне изображена богиня с рогом в руке, а у ее ног на земле — женщина с дитятей, а еще ниже «пекельник» чернобог (?). По левую руку от великой богини — вооруженный всадник (как на ритуальных вышивках), а по правую руку — женщина с кольцом.

Размеры рецензии не позволяют мне подробнее остановиться на разборе збручских изображений. Этот памятник достоин специальной монографии, которая даст не только историческую сводку, но и детальный, разносторонний анализ этого уникального произведения русской скульптуры. Надо надеяться, что такое исследование выйдет из-под пера той же Ф. Д. Гуревич, которая хорошо знакома со всеми материалами по збручскому идолу.

Том «Этногенез восточных славян» в целом представляет ценный вклад в археологическую науку. Его украшением является работа П. Н. Третьякова, которая по своему научному значению и объему значительно переросла рамки статьи и в будущем должна быть напечатана отдельной монографией.

Сборник хорошо издан, снабжен четкими иллюстрациями и надолго будет служить настольной книгой для археологов, историков и этнографов, работающих над изучением вопроса о славянах.

Б. А. Рыбаков

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ. *История и культура Урарту*, изд. Академии Наук Армянской ССР, 1944.

Б. Б. Пиотровский сделал ценный вклад в историю древнего мира и историю народов СССР, для которой Урартское царство, оказавшее столь мощное воздействие на Закавказье, представляет весьма большой интерес. Советская историография до сих пор, к сожалению, еще не богата трудами, посвященными истории и культуре Урарту.

Правда, автору принадлежит несомненная и большая заслуга выпуска еще в 1939 г. книги «Урарту, древнейшее государство Закавказья» (изд. Гос. Эрмитажа, Ленинград), в которой он дал краткий, но содержательный очерк истории и культуры государства, бывшего долгое время грозным врагом великого Ассирийского царства.

Уже эта небольшая книга свидетельствует об обширных и глубоких познаниях автора в археологии и истории Закавказья и соседних областей Кавказа и Ближнего Востока. Книга получила положительную оценку в обстоятельной рецензии Е. И. Крупнова на страницах «Вестника древней истории» (1940, № 2/11). Рецензент, отдавая должное и знаниям и исследовательскому таланту автора, все же указывает, что «автор не дал никакого аппарата и даже не указал минимума литературы к каждой главе».

В своем новом труде Б. Б. Пиотровский полностью выполнил пожелание рецензента. Если мы в монографии 1939 г. находим лишь краткий очерк исследования памятников, являющихся основными источниками по истории Урарту, то в последнем труде автора мы имеем две обстоятельные главы, посвященные описанию постепенного углубления европейской науки в историю Ванского царства и характеристике источников истории Ванского царства.

В главе «История изучения Ванского царства» дан детальный и исчерпывающий историографический очерк литературы по обследованию памятников, по истории и культуре Урарту, начиная с первых десятилетий XIX века вплоть до самых последних лет. Автором использована как зарубежная, так и советская литература. Особо следует отметить, что автор смог привлечь и те статьи и исследования, которые армянские ученые, изучающие древнейший период своей родной страны, писали на армянском языке. Таким образом, уже первая глава создает полную уверенность в том, что большой труд Б. Б. Пиотровского, являющийся ныне основным трудом по истории и культуре Урарту, отражает в полной мере все достижения современных научных знаний.